

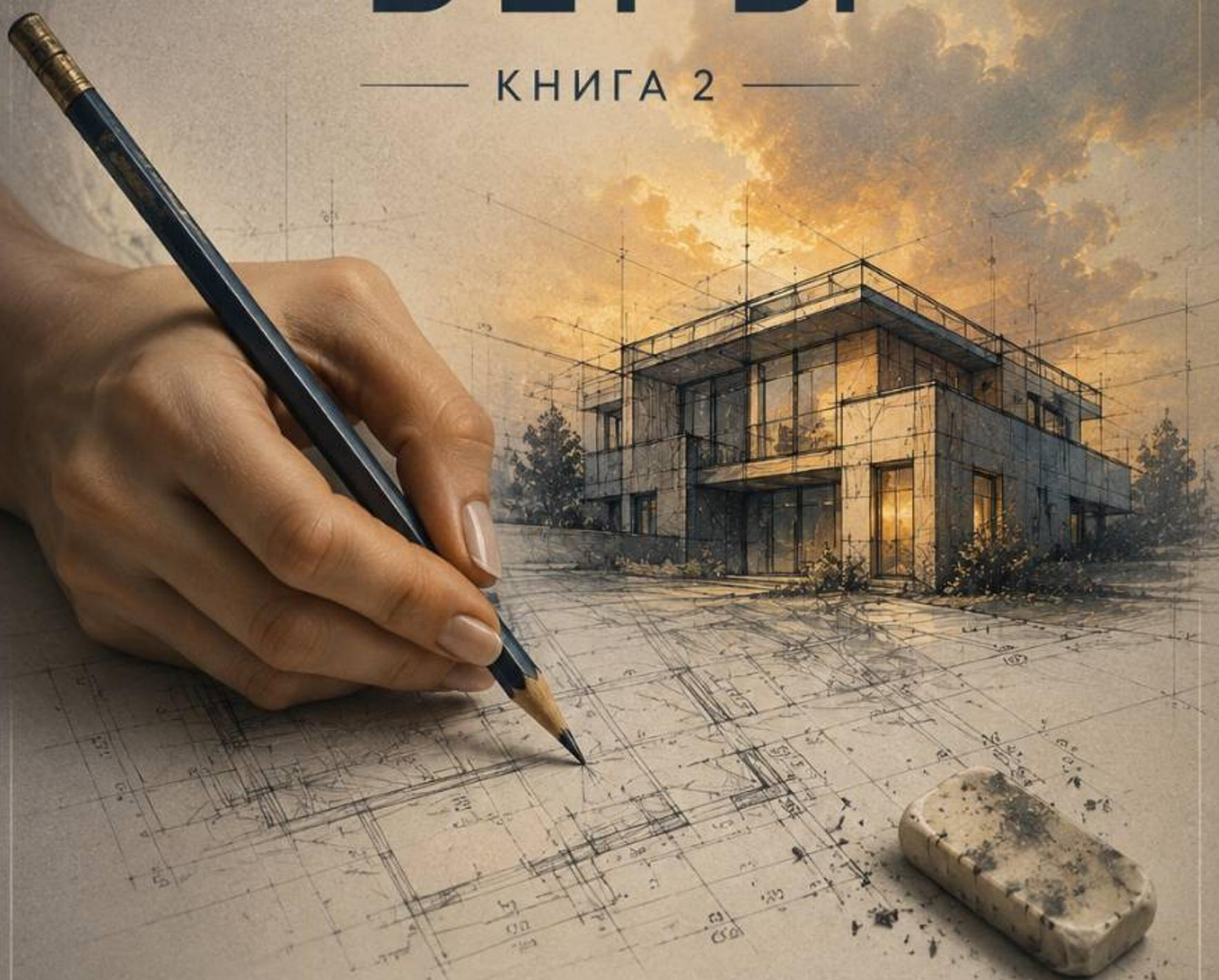
МИРА ВОЛОДИНА

ПРОЕКТ ВЕРЫ

— КНИГА 2 —

Я С КОРНЕМ ВЫРВАЛА
ВСЁ, ЧТО БЫЛО
СВЯЗАНО С НИМ

Мира Володина

**Проект Веры. Книга 2.
Я с корнем вырвала всё,
что было связано с ним**

«Автор»

2026

Володина М.

Проект Веры. Книга 2. Я с корнем вырвала всё, что было связано с ним / М. Володина — «Автор», 2026

Она ушла. С двумя чемоданами, старшей дочерью и старым ластиком в кармане. От мужа-абыюзера, который обещал пустить её по миру. От идеальной жизни, которая была золотой клеткой. Теперь — съёмная квартира с клопами, работа мерчандайзером и угрозы опеки. Бывший муж мстит через детей, через суды, через каждую дыру в её новой реальности. Адвокаты готовят иск о лишении родительских прав. Дочь предал парень, сын не берёт трубку, младшая — запугана. Но Вера не была бы архитектором, если бы не умела строить с нуля. Первый заказ — веранда, первый суд — победа, первый шаг к свободе — бюро, дом, который она проектирует ночами. «Я с корнем вырвала всё, что было связано с ним. Правда, пришлось попотеть — корни у него были знатные». Строительство начинается с котлована. С пустоты. С нуля. И это только начало. Вторая книга проекта «Вера» — о том, как из пепла вырастает дом. И как порой важно не успеть сложиться, чтобы остаться собой.

Содержание

ГЛАВА 1. КОТЛОВАН	5
ГЛАВА 2. ФРОНТ РАБОТ	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Мира Володина

Проект Веры. Книга 2. Я с корнем вырвала всё, что было связано с ним

ГЛАВА 1. КОТЛОВАН

ПРОЛОГ

Кабинет Дениса пах кофе, бумагой и чем-то мужским — дорогим лосьоном после бритья. Вера ненавидела этот запах. Он напоминал ей Андрея.

— Вот, смотрите, — Денис подвинул к ней папку. — Апелляцию отклонили. Вы официально имеете право на половину его имущества.

— Спасибо, — сказала Вера. — Вы гений.

— Я просто злой и циничный. Гении — это те, кто продаёт воздух. Я продаю бумажки.

Он встал, подошёл к окну. Спина к ней. За окном — Москва, серая, промозглая. Ноябрь.

— Вера, помните, я предлагал вам «роман без детей»?

— Помню.

— Я был идиотом.

— Не спорила.

Он повернулся. Посмотрел на неё в упор.

— Я привык выигрывать. А с вами чувствую себя дураком. Это новое ощущение.

— Денис, мы уже говорили. Дружба — это максимум.

— А если я скажу, что дружба меня не устраивает?

Он подошёл ближе. Вера не отступила.

— Что вы сделаете? Поцелуете?

— А вы дадите?

— Не знаю.

Он наклонился. Медленно, как будто давая ей время отвернуться. Она не отвернулась.

Поцелуй был неуклюжим. Губы — сухие, с привкусом кофе. Никакой магии. Никаких фейерверков.

Она отстранилась первой.

— Ну как? — спросил он.

— Как пересорт носков на работе.

— Что?

— Я архитектор, который раскладывает носки. Вы адвокат, который разучился целоваться. Мы великолепная пара неудачников.

Он засмеялся. Горько.

— Значит, нет?

— Нет. Но документы я подпишу. И вы, может быть, когда-нибудь научитесь целоваться. Для следующей клиентки.

— Вера...

— Не надо. Мы хорошие друзья, которые однажды неудачно поцеловались. Бывает.

Она взяла ручку, подписала бумаги, встала.

— Приходите на новоселье. Я испеку блины. С нормальной капустой.

— А если я опять...

— Тогда я вас закатаю в бетон. Вы же знаете, я могу.

Она вышла.

Денис остался стоять у окна. Потер губы. Потом улыбнулся и набрал номер дочери.

— Алёна, привет. Ты не научишь меня целоваться? Дурак, я понял.

1.

Квартира продолжала пахнуть чужой жизнью. Даже после генеральной уборки. Стоял запах дешёвого порошка, кислой капусты и сигарет соседа снизу, который курил в форточку, а дым лез к ним.

Вера стояла посреди комнаты, смотрела на продавленный диван, съехавший на левый бок, и думала: «Нулевая точка — это не романтично. Это воняет. И скрипит».

Она открыла окно. Вместо свежего воздуха внутрь влетел запах шаурмы из ларька под балконом.

— Мам, тут всё равно дышать нечем, — сказала Соня из спальни.

— Привыкнешь.

— Как можно привыкнуть к тому, что воняет?

— Тогда зажми нос. Это развивает силу воли.

Соня вышла в коридор, босиком, с телефоном в руке. Остановилась у кухонного стола, на котором стояла бутылка кетчупа и полбатона.

— У нас есть что-то нормальное?

— Нормальное — это когда ты не ноешь.

— Мам...

— Сонь, я люблю тебя, но если ты сейчас начнёшь ныть про кетчуп, я его выпью и устрою истерику. А у нас даже валидола нет.

Соня вздохнула, отрезала кусок хлеба, мазнула кетчупом.

— Это отвратительно.

— Это свобода. Свобода на вкус как кетчуп без сосиски. Ладно, пошли в магазин, пока не закрылся.

Очередь в супермаркете. В корзине — печенье, молоко, пельмени самые дешёвые. Рядом Соня молча разглядывала жвачки.

Впереди — женщина с двумя тележками, полными деликатесов. Красная икра, сыры, шампанское. У неё звякнул телефон, она ответила громко: — Да, дорогой, я ещё в магазине. Конечно, возьму твоего любимого осетра. Нет, та шлюха больше не переступит порог нашего дома. Я ей так и сказала — больше даже не позвонит.

Вера узнала её. Ирина Шустова — та самая, для которой она готовила ужин с рыбой. Та самая, которая сказала: «Ты выглядишь отлично для женщины с тремя детьми».

Ирина обернулась, улыбнулась приторно-сладко: — Вера? Какая встреча! Ты похудела. И... — она оглядела корзину, — перешла на здоровое питание? Хотя пельмени — это же...

— Быстро и дёшево, — закончила Вера. — Умные женщины знают, как экономить время и деньги.

— А я думала, ты теперь... ну... сама знаешь. Андрей рассказывал, что ты ушла в никуда.

— В никуда — это на ужин с рыбой, которую я готовила, пока вы обсуждали мою внешность.

Ирина поперхнулась. А Соня громко, на всю очередь, сказала:

— Мам, а тётя Ирина — это та, у которой муж изменяет с её же сестрой?
Ирина побледнела, схватила тележки и укатила.
— Соня, откуда ты...
— Я ничего не знаю. Просто соврала. Но сработало.
Вера рассмеялась. Впервые за месяц.

2.

Первая ночь в съёмной квартире выдалась длинной. Вера не спала — лежала на диване, слушала, как сосед сверху включает стиральную машину в час ночи, а потом начинает сверлить. Сверлил он долго, с чувством, с расстановкой.

Она взяла со столика старый ластик — серый, мягкий, почти стёртый. Понюхала. Пахнет пылью, детством, чертежами, которые никто не увидит.

— Ты ещё пригодишься, — сказала она ластiku. — Ты и я. Мы ещё построим дом. Настоящий. Не для него.

Ластик промолчал. Сосед сверху выключил дрель. Наступила тишина. В этой тишине было слышно, как Соня плачет в своей комнате. Тихо, в подушку, чтобы мать не слышала.

Но Вера слышала. Матери всё слышат. Особенно то, что им не положено.

Утром Соня вышла с красными глазами.

— Я не плакала.

— Я и не спрашивала.

— Это аллергия.

— На что?

— На эту квартиру.

Вера кивнула.

— Тогда купим таблетки. Когда появятся деньги.

— Мам, ты издеваешься?

— Нет. Я учу тебя реальности. Реальность? Это когда выбираешь между чихом и голодом. Добро пожаловать.

Соня села на табуретку. Помолчала. Потом сказала тихо:

— Тимур вчера написал. Сказал, что я ему больше не нужна. Потому что я перестала быть... ну... достойной.

— Сонечка...

— Не надо. Я сама. Он выбрал Алису, потому что у неё папа с заправками. А у меня мать, которая типа бомж.

Вера подошла, обняла. Соня сначала напряглась, потом расслабилась.

— Знаешь, — сказала Вера. — Когда я была в твоём возрасте, мой парень бросил меня ради девочки, у которой был свой мотоцикл. А у меня был только велосипед «Украина». Тяжёлый, ржавый. Но я на нём научилась ездить так, что обгоняла мотоциклы.

— И что?

— А то, что тот парень сейчас работает в ГИБДД и штрафует мотоциклистов. А я проектирую дома. Не в прямом смысле пока. Но скоро.

— Ты всегда говоришь «скоро».

— Потому что я оптимистка. Я верю, что нужно ставить цель и идти к ней, и всё получится.

Соня почти улыбнулась.

3.

Звонок от Коли случился на второй день.

Вера готовила суп из куриного кубика и картошки — всё, что осталось. Телефон завибрировал на столе. Номер Андрея.

Она взяла трубку, хотя знала: ничего хорошего.

— Аллю.

— Мам, это я, — голос Коли надтреснутый, злой. — Папа велел позвонить и сказать, что ты шлюха и что ты нас бросила.

— Коля, это папа сказал?

— Он велел. Но я и сам так думаю. Ты ушла. А папа остался. Папа купил мне новый айфон. А ты что нам в последнее время купила?

— Я пока не могу вам купить ничего значимого, но я вас люблю и очень жду того времени, когда смогу вас забрать к себе.

— Не заберёшь. Папа сказал, что у тебя нет денег. И что ты даже носки не сможешь купить.

— Коля, я тебя люблю. Я позвоню завтра.

— Не надо. Я не буду брать трубку.

И бросил трубку.

Вера выключила газ. Сосед снизу включил телевизор — шёл «Пусть говорят» про женщину, которая бросила мужа и детей.

«Идеальный саундтрек, — подумала Вера. — Моя жизнь теперь — это ток-шоу. Только зрителей нет. А ведущий — Андрей».

Она села на табуретку, достала ластик и начала стирать им край стола. Без толку, но руки заняты. Глаза остались сухими, как песок на стройке. Слез уже давно не было. Только липкая усталость.

Пришла Ленка с вином и пакетом продуктов. Осмотрела кухню, покачала головой.

— Бомж-стайл. Очень модно. Стиль «после потопа».

— Заткнись и наливай вино.

Ленка налила в две кружки. Себе и Вере.

— За новый этап. За то, чтобы он был лучше старого.

Они выпили. Вино было кислым, но тёплым. Вера почувствовала, как внутри расправляется тугой узел.

— Я работу тебе нашла, — сказала Ленка, выгружая на стол сыр, колбасу, помидоры. — Мерчандайзером в сеть «Твой дом». Носки раскладывать.

— Носки?

— Вера, твоя квалификация — семнадцать лет домашнего рабства. Носки — это входной уровень. Зарплата — тридцать пять тысяч. На первое время хватит.

— Адвоката нашла?

— Нашла. Денис. Он злой, циничный, но въедливый. Моего бывшего в труху стёр. Отец твой согласился оплатить его услуги.

— Отец? — Вера отставила кружку. — Он звонил?

— Нет, я ему сама позвонила. Сказал: «Пусть идёт, я помогу». Он уже перевёл. Смотри. Ленка показала сообщение в телефоне. Перевод на двадцать пять тысяч.

Вера смотрела на цифры. Папа — молчаливый, всегда уступающий маме, который боится сказать лишнее слово, — перевёл деньги за её спиной. Рискует браком. Ради неё.

«Может, не всё потеряно, — подумала она. — Может, я не одна. Может, даже клопы когда-нибудь съедут».

4.

Первый рабочий день в «Твоём доме». Торговый центр на окраине, третья линия, отдел «Всё для уюта по низким ценам».

Олег, начальник, лысый, в очках с треснувшей и заклеенной изолентой дужкой, объяснял без души:

— Мужские слева, женские справа. Детские — внизу, потому что маленькие. Ценник строго по артикулу. Если артикул не бьётся — пересортица. Пересортица — вычет из зарплаты.

— Я архитектор, — сказала Вера. — Я дома проектировала.

— Дома проектируй, а здесь — носки. Работай.

Вера взяла первую пару — зелёные, в горошек. «Тёплые и уютные», — гласила этикетка. Носки были тонкие, как папиросная бумага.

Она разложила их по полкам. Потом переложил, потому что перепутала размеры. Потом переложила ещё раз, потому что цветовая гамма не совпадала с макетом.

В одиннадцать пришла проверяющая с планшетом. Женщина в чёрном, лицо — как у прокурора. Подняла один носок.

— Ценник не совпадает с артикулом.

— Случайность.

— Случайность вычитают один раз. Повтор — два.

— У меня не повторится.

— Посмотрим.

Женщина ушла. Вера выдохнула.

Продавщица Люда из соседнего отдела принесла кофе из автомата. Пластиковый стакан, жидкость напоминала пену для бритья.

— Держись, — сказала Люда. — Я тут пять лет. Носки — это судьба.

— Я не верю в судьбу.

— Зря. Судьба — это когда ты раскладываешь носки и мечтаешь о Канарах. Как я.

Люда показала пальцы — в мозолях, с обломанными ногтями. Раньше она была дизайнером интерьеров, но фирма сгорела, муж ушёл, остались носки.

— А ты не пыталась вернуться? — спросила Вера.

— Пыталась. Но после тридцати пяти никому не нужен дизайнер, который пять лет не работал. А носки нужны всем. Даже богатым. У них ноги такие же, как у нас.

Вера кивнула. Допила пену для бритья и пошла дальше — перекладывать мужские носки на женские полки, потому что какой-то покупатель перепутал.

5.

В обед позвонила опека.

— Вера Сергеевна? Вас беспокоят из отдела опеки. Мы должны провести проверку условий проживания вашей несовершеннолетней дочери Сони.

— Пожалуйста, — сказала Вера. — Квартира старая, но мы содержим её в чистоте.

— Завтра в одиннадцать удобно?

— Да.

Она набрала Соню.

— Сонь, завтра опека. Убери в комнате.

— Я и так убираю, если это тут возможно.

— Сделай вид, что ты счастлива.

— А если я не счастлива?

— Соня, ради бога. Улыбнись, скажи, что я хорошая мать, что мы ходим в театры и едим органическую еду. Ты же в театральный кружок ходила.

— Ходила. Но там я играла принцесс, а не дочь матери-одиночки без жилья и денег.

— Это твоя лучшая роль. Спектакль один день, но гонорар — чтобы мы остались вместе.

Соня молчала. Потом сказала:

— Ладно. Но если инспектор спросит про мою успеваемость — скажу, что у меня пять по русскому. Это правда, кстати.

— Вот видишь. У нас уже есть что показать.

Вера положила трубку и посмотрела на стеллаж с носками. Глаза слипались. Она не спала нормально третьи сутки.

«Если я сейчас засну среди носков, меня уволят. Если меня уволят, опека заберёт Соню. Значит, я не сплю. На нормальный кофе нет денег. Буду колоть себе иголкой, как в фильмах про наркоманов. Иголки тоже нет. Буду щипать себя за руку».

Она ущипнула себя. Стало больно. Значит, не сплю.

Вечером она вернулась домой — уставшая, с запахом дешёвых носков, который въелся в кожу.

Соня сидела за столом, учила стихи. На плите грелась вчерашняя картошка.

— Как работа? — спросила Соня, не поднимая глаз.

— Роскошно. Носки меня слушаются.

— Ты иронизируешь, а мне страшно. Если нас разлучат...

— Не разлучат. Я уже придумала план.

— Поделишься?

— Завтра, после опеки. Пока секретная информация.

Соня фыркнула. Но плечи расслабились.

Ночью Вера опять не спала. Смотрела в потолок. В этой квартире потолок был не белым и ровным, как в московской квартире, а серым, в разводах, с трещиной, которая напоминала карту мира.

«Карта мира, — подумала Вера. — Кусок Африки отвалился и висит на паутине. Как моя жизнь. Тоже висит. Но паутина — это структура. Не самая надёжная, но если натянуть — выдержит».

Сосед сверху снова включил дрель. В час ночи.

— Я тебя убью! — крикнула Вера в потолок.

Дрель смолкла на секунду. Потом зажужжала с новой силой.

— Не убила, — прошептала она. — Но хоть на секунду заткнулся. Нулевая точка — это ещё и умение договариваться с соседями. Не хуже, чем с заказчиками.

Она закрыла глаза и представила чертёж. Дом с большими окнами. Веранда. Комната для черчения. И никаких соседей сверху. Только небо.

«Я построю, — сказала она себе. — Хоть из носков и кетчупа. Остальное приложится».

В этот момент телефон пиликнул. Сообщение от неизвестного номера: «Вы думаете, Андрей вас отпустит? Он только начал».

Вера замерла. Кто это?

ГЛАВА 2. ФРОНТ РАБОТ

1.

Опека пришла ровно в одиннадцать. Инспектор — молодая, уставшая, в сером пальто, с планшетом, на стекле которого была трещина. Вера открыла дверь, пытаясь не дышать: она только что отмыла ванну «Пемолюксом» и теперь сама пахла хлоркой.

— Здравствуйте, — сказала инспектор. — Мы ненадолго.

Она осмотрела комнаты, заглянула под кровати, открыла холодильник. Вера потратила последние пятьсот рублей на молоко, яйца, дешёвую курицу, пучок зелени и яблоки — смотрелось прилично. Как будто они здесь не выживают, а питаются правильно.

— У Сони отдельная комната? — спросила инспектор.

— Да, пожалуйста.

Они зашли. Соня сидела за столом, делала вид, что учит стихи. На самом деле она листала ленту в телефоне, но инспектор этого не видела.

— Ты как, Соня? — спросила женщина.

— Нормально. Мама готовит, убирает, помогает с уроками. Мы дружим.

Вера удивилась. Соня не разговаривала с ней нормально уже неделю. Только «дай», «угу», «не хочу». Но сейчас голос был ровный, почти ласковый. Как у примерной девочки из рекламы йогурта.

«Моя дочь — актриса, — подумала Вера. — Как отец. Только он притворяется честным, а она — счастливой».

— С отцом общаетесь? — спросила инспектор.

— Да. По телефону. Он помогает.

Ни слова про измены, угрозы и «шлюху». Соня молчала как партизан. Инспектор сделала пометки в планшете.

— Условия удовлетворительные. Но ванную рекомендую отмыть. Плесень в углах — это негигиенично.

— Отмоем, — сказала Вера. — У нас просто времени не было.

— Найдите время.

Инспектор ушла. Вера закрыла дверь, прислонилась к косяку.

— Соня, ты гений.

— Я не гений. Я просто не хочу к папе. Он хуже, чем плесень.

— Это самый романтичный комплимент, который я слышала.

— Не обольщайся.

Соня ушла в свою комнату. Вера достала телефон — пропущенный звонок от неизвестного номера. И сообщение: «Вера Сергеевна, Денис Романов, адвокат. Лена дала ваш номер. Можете подъехать сегодня в офис? Обсудим дело».

Она посмотрела на себя в зеркало. Джинсы в пятнах от хлорки, футболка с котиком (подарок Полины), волосы собраны в пучок. Лицо бледное, под глазами круги.

«Вылитая плесень, — подумала она. — Наденешь чёрное платье. Оно хотя бы делает вид, что ты в порядке».

Она надела итальянское платье — то самое, для гостей Андрея. Теперь оно висело на ней мешком, потому что она похудела на восемь килограммов за два месяца.

«Шедеврально, — сказала она себе. — Я выгляжу как вешалка для дорогой тряпки. Но вешалка с характером».

2.

Офис Дениса находился в старом центре, на третьем этаже без лифта. Вера поднялась, запыхалась — не хватало ещё восьми килограммов, но они ушли вместе с силой.

Дверь была открыта. Она вошла. Внутри — маленькая приёмная, диван с порванным углом, поцарапанный стол секретарши (секретарши не было). На стенах — дипломы в рамках и фотография женщины с девочкой.

Из кабинета вышел он.

Денис. Высокий, под метр девяносто. Плечи — как вешалка для двух костюмов сразу. Волосы короткие, с проседью на висках. Лицо с чёткой линией челюсти, небольшим шрамом над бровью — то ли драка, то ли бритва, Вера не решилась спросить. Одет в джинсы и свитер — не пиджак, не галстук.

«Брутальный, — пронеслось в голове. И тут же она себя одёрнула: — Вера, ты не в кино. Он адвокат. Твой адвокат. Не дай бог, ещё влюбишься, как дура».

— Вера Сергеевна? — он протянул руку. Рукопожатие крепкое, сухое, без намёка на «я пожимаю лапку даме».

— Да. Спасибо, что пригласили.

— Проходите.

Он кивнул на кабинет. Она вошла. Там стоял большой дубовый стол, заваленный бумагами, и два кресла — одно поновее, другое с вылезшей обивкой. Денис сел в новое, Вера — в старое. Пружина больно ткнула в бедро.

— Извините, — сказал он. — Клиенты продавливают. Особенно тяжёлые дела.

— Моё тяжёлое?

— Ваше — стандартное. Но вы красивая. А с красивыми всегда сложнее. Их хочется пожалеть, а надо работать.

Вера не знала, как это понимать. Compliment? Предупреждение? Она решила не реагировать.

— Я не прошу жалеть. Я прошу помочь.

— Это другое дело.

Он открыл папку с её документами. Вера заметила, что у него руки крупные, с короткими ногтями, без колец. Левый мизинец перевязан пластырем.

— Что с пальцем? — спросила она, чтобы что-то спросить.

— Дочь учила меня готовить. Порезался ножом. Два раза. Сказала, что я безнадёжен, но блины получились.

— С мясом?

— С творогом. А вы любите с мясом?

— С мясом. И сметаной.

Он улыбнулся. Улыбка оказалась неожиданно мягкой — для такого большого и брутального.

— Значит, есть тема для разговора после суда. А пока — по делу.

Он разложил перед ней документы. Андрей подал иск о лишении родительских прав. Основание: «неудовлетворительные жилищные условия и аморальный образ жизни».

— Аморальный? — переспросила Вера. — Я семнадцать лет сидела дома с детьми.

— Ему достаточно двух «свидетелей». Бывшие соседки подтвердят, что вы пили и приводили мужчин.

— Это ложь.

— Я знаю. Нам нужны встречные показания. Ваш отец, подруга. И срочно улучшить жильё.

— У меня нет денег на улучшение.

— Подавайте на раздел имущества. По закону вам принадлежит половина всего, что нажито в браке. Выиграете — получите деньги. Снимете нормальную квартиру. Опекать останется.

— Сколько стоит ваша помощь?

— 50 тысяч. Ваш отец внёс первый взнос. Остальное — когда выиграем.

— А если не выиграем?

— Я бесплатно не работаю. Я злой и циничный. Обязательно выиграем.

Он смотрел на неё в упор. Глаза серые, с тёмным ободком. У Андрея были карие. У всех мужчин в её жизни карие. А тут — серые, как бетон.

«Как мой будущий дом», — подумала Вера и тут же себя оборвала: «Хватит. Он адвокат. Ты клиентка. Не строй иллюзий».

— Хорошо, — сказала она. — Подаём.

— Вот и отлично. — Он собрал бумаги. — И ещё, Вера Сергеевна. Вы не против, если я буду звонить вам вечером? Днём я в судах.

— А что, есть разница?

— Вечером я менее официальный. И вы, надеюсь, тоже. Договорились?

— Договорились.

Она встала. Он подал ей пальто — старое, ещё от Андрея, но тёплое. Руки Дениса на секунду задержались на плечах. Не как ухажёр, а как человек, который помогает одеться.

— Спасибо, — сказала Вера.

— Не за что. Я закажу такси. И... Вера Сергеевна?

— Да?

— Блины с мясом я тоже люблю и со сметаной. Угостите как-нибудь? Когда выиграем.

Он улыбнулся, и она поняла: он не флиртует. Он просто нормальный. Такой, каким должен быть мужчина.

«Господи, — подумала Вера, выходя на улицу. — Как же давно я не видела нормальных».

3.

Вера вернулась домой после встречи с Денисом. Сняла пальто, повесила на гвоздь. Оно пахло табаком и старым шкафом — чужими запахами чужой жизни. Соня уже ушла к подруге с ночёвкой, «поплакаться», как она выразилась. В квартире было тихо. Только холодильник гудел — монотонно, как единственный друг.

Телефон завибрировал. На экране — «Надя».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.